

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.П. Лопухин

**Св. Иоанн Златоуст,
как проповедник человеколюбия
и милостыни**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1897. № 2. С. 245-260.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

СВ. ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЪ,

какъ проповѣдникъ челоуѣколюбія и милостыни ¹⁾).

ЗЛАТОУСТЫЙ проповѣдникъ не ограничивается прославленіемъ милостыни: онъ выясняетъ нашъ долгъ къ ней, выводя его въ одно и то же время изъ самой заповѣди о челоуѣколюбіи, объемлющей всѣ другія заповѣди, изъ личной пользы богача, для котораго она составляетъ самое вѣрное средство умиловить Бога, изъ любви, которую христіанинъ долженъ питать къ своему Спасителю, содѣлавшемуся бѣднымъ ради насъ, страдающему бѣднымъ, алчущему и жаждущему въ лицѣ бѣдныхъ, какъ равнымъ образомъ изъ основныхъ, установленныхъ Промысломъ законовъ самаго общества. Напрасно, повторяетъ онъ вмѣстѣ съ другими отцами церкви, ты соблюдаешь заповѣди и исполняешь самыя возвышенныя добродѣтели: безъ челоуѣколюбія все тщетно. Напрасно ты съ рвеніемъ призываешь небо, присоединяя моленія къ моленіямъ: молитва не восходитъ къ небу иначе, какъ въ сопровожденіи милостыни. Бѣдные, часто говорятъ онъ, меньше нуждаются въ богатѣ, чѣмъ богачъ въ нихъ. Они суть лекарство для души. Чрезъ нихъ богатство становится средствомъ достиженія правственности, золото открываетъ врата къ небу, мы накопляемъ сокровища, хотя повидимому бѣднѣемъ. Они превосходные ходатаи за насъ предъ Іисусомъ Христомъ. Какъ часто и съ какимъ рвеніемъ св. Златоустъ раскрываетъ эти мысли, истолковывая слова евангелія: «пріобрѣтайте себѣ друзей богатствомъ міра сего» или слова св. ап. Павла: «не забывайте любви». Съ какимъ поразительнымъ краснорѣчіемъ говоритъ

¹⁾ См. „Христ. Чтеніе“ I вып. за наст. годъ.

онъ, объясняя, какъ самъ Спаситель протягиваетъ къ намъ руку за подаваніемъ въ лицѣ бѣдныхъ. «Ни Иисусъ Христосъ, восклицаетъ онъ, ни тѣ, кто отъ Иисуса Христа, не отворачиваютъ насъ отъ дѣла вѣка сего, но подобно змѣямъ, ехиднамъ и свиньямъ мы валяемся въ грязи; чѣмъ мы лучше этихъ животныхъ, когда мы, имѣя предъ своими глазами такіе примѣры великіе, всегда остаемся склоненными къ землѣ, не поднимая взора къ небу? Богъ предалъ (за тебя) своего Сына, а ты не даешь и куска хлѣба этому Сыну, который былъ преданъ и закланъ за тебя? Отецъ безъ колебанія предалъ Его за тебя, хотя Онъ былъ истинно Его Сынъ, а ты оставляешь умирать Его съ голода, хотя даже и то, что бы ты далъ Ему, происходитъ отъ Него, и ты далъ бы это ради твоей собственной пользы. Можетъ ли быть нечестіе больше этого? Онъ распятъ ради тебя, Онъ умеръ за тебя, Онъ терпѣть голодь ради тебя; ты далъ бы Ему только то, что принадлежитъ Ему и притомъ ради твоей собственной пользы, и ты отказываешься дать это? Не жестче ли камня тѣ, которые, увлекаемые столькими побужденіями быть добрыми, продолжаютъ упорствовать въ этомъ дьявольскомъ безчеловѣчїи? Для Иисуса Христа недостаточно того, что Онъ умеръ на позорномъ древѣ: Онъ хочетъ быть бѣднымъ, нагимъ, странникомъ, Онъ хочетъ быть узникомъ и больнымъ, чтобы прїобрѣсть тебя по крайней мѣрѣ этимъ. Если ты, говоритъ Онъ, не отзываешься на Мою любовь, то сжался надъ Моею бѣдностью. Если ты нечувствителенъ къ Моей бѣдности, не будь такимъ къ Моимъ больнымъ и къ Моей темницѣ. Если бѣдствія, которыя терплю Я, не могутъ смягчить твоего сердца, поразсуди, какъ малаго Я требую, и не отказывай. Я не требую отъ тебя какой-нибудь чрезмѣрной щедрости, а только хлѣба, крова, утѣшенія въ нѣсколькихъ словахъ. Если ты все еще безжалостенъ, то сдѣлайся человѣчнѣе при мысли о царствѣ небесномъ, о наградахъ, которыя обѣщаютъ Я. Если все это не дѣйствуетъ на тебя, то сжался при видѣ Меня нагимъ, припоминая Мою наготу на крестѣ. Я былъ нагъ, и нагъ еще и теперь; Я былъ узникомъ, и таковъ еще и теперь. Пусть то или другое состояніе подѣйствуетъ на твою душу. Ради тебя терпѣлъ Я голодь, и терплю его еще и теперь. Я жаждалъ на Голгоетѣ, и жажду въ лицѣ бѣдныхъ, дабы Мои прошлыя бѣдствія и бѣдствія настоящія привлекли тебя ко Мнѣ и умилосердили тебя ради твоего же собственнаго спасенія. Хотя бы ты обя-

запѣ быть Мнѣ тысячью благодѣяній. Я не долга требую отъ тебя, а вѣнецъ предлагаю тебѣ: Я обѣщаю тебѣ небо за скромную милостыню. Я не говорю тебѣ: избавь Меня отъ бѣдности. отдай мнѣ твои богатства, хотя Я и бѣденъ, то ради тебя; Я прошу у тебя только немного хлѣба, одежды, пособія въ своей бѣдственности. Будучи узникомъ, Я не прошу тебя разбить Мои оковы, но посѣтить того, кто связанъ ради тебя; Я удовольствуюсь этимъ благодѣяніемъ, за которое обѣщаю тебѣ небо. Я разрушилъ твои цѣли, самыя тяжелыя изъ цѣпей; взамѣнъ этого Мнѣ достаточно, если ты придешь посѣтить Меня въ темницѣ. Я могъ бы и безъ всего этого увѣнчать тебя, но Я хочу быть твоимъ должникомъ, дабы, получая вѣнецъ, ты имѣлъ удовлетвореніе въ томъ, что онъ заслуженъ тобою. Вотъ почему, самъ имѣя возможность питать Себя, Я выпрашиваю Себѣ пропитаніе. Вотъ почему Я стою у твоихъ дверей, протягиваю руку и прошу помочь Мнѣ, ибо Я люблю тебя. Я люблю столъ, какъ это въ обычаѣ у друзей; Я отлагаю Мою славу, чтобы принять отъ тебя Свой хлѣбъ; скажу передъ всей землей, возвѣщу всѣмъ людямъ, что ты именно утолил Мой голодъ. Мы стыдимся жить на счетъ другихъ; мы скрываемъ то благодѣяніе, которое получено нами. Іисусъ Христосъ, напротивъ, любитъ насъ настолько, что когда даже мы тайно подаемъ милостыню, Онъ повсюду возвѣщаетъ о ней съ великими похвалами и не стыдится сказать, что Онъ былъ нагъ и мы одѣли Его, былъ голоденъ и мы напятили Его» ¹).

Эти восторженныя слова Златоустаго проповѣдника милостыни вызвали громъ рукоплесканій со стороны слушателей. Но проповѣднику не нужны эти рукоплесканія. «Къ чему мнѣ, — восклицаетъ онъ, — эти крики и весь этотъ шумъ? Одного только прошу я у васъ—примѣра добрыхъ дѣлъ, вашей внимательности, доказываемой дѣлами. Вотъ что будетъ мнѣ похвалою и моимъ пріобрѣтеніемъ! Вотъ что для меня лучше прекраснѣйшей діадимы. Постараемся же получить эту діадиму отъ руки бѣдныхъ» ²).

Трудно было бы употребить еще больше краснорѣчія въ пользу дѣла челоуѣколюбія и милостыни бѣднымъ, но св. Златоустъ идетъ еще дальше. Милостыня, по его воззрѣнію,

¹ На посл. къ римл., бес. XV, на ст. 39 (у Миня т. IX, ст. 547, 48)

² Тамъ же, въ концѣ бесѣды.

не только есть заповѣдь евангельская: она есть требованіе закона общественнаго. Въмѣстѣ съ другими великими отцами церкви—св. Амвросіемъ медиоланскимъ, св. Василиемъ Великимъ, св. Кипріаномъ, блаж. Иеронимомъ и многими другими отцами и учителями онъ учитъ, что богатый человѣкъ есть скорѣе управитель, чѣмъ господинъ своего богатства, что обращать его исключительно въ свою личную пользу, безъ всякаго попеченія о находящихся въ нуждѣ ближнихъ, означало бы съ его стороны преступное уклоненіе отъ долга и было бы воровствомъ¹⁾. Конечно, это выраженіе надо понимать такъ именно, какъ только оно и можетъ быть понимаемо—въ смыслѣ нравственномъ. Безъ сомнѣнія, по воззрѣнію св. Іоанна Златоуста, какъ и другихъ отцовъ церкви, человѣческій родъ есть одна большая семья, общій отецъ которой есть Богъ, давшій ей землю въ наслѣдственное владѣніе. Съ одной стороны, между людьми, какъ между членами одной семьи, существуетъ взаимность нуждъ и услугъ, такъ что никто не можетъ обойтись безъ помощи другихъ и никто не можетъ быть чуждымъ для другихъ. Съ другой стороны, если Отецъ небесный благоволить, чтобы общее наслѣдіе было неравномѣрно распределѣно между нами, то это для того, чтобы дать возможность для наиболѣе облагодѣтельствованныхъ участвовать въ дѣлѣ Промышленія и направлять благодѣянія туда, гдѣ въ нихъ чувствуется особая нужда. Такимъ образомъ, раздѣленіе человѣчества на отдѣльные народы, распределеніе земли между собственниками находятъ себѣ противовѣсъ въ челоуѣколюбіи, которое, не смотря на всѣ разности по происхожденію и состоянію, должно постепенно приводить всѣхъ къ единенію. И весь тонъ христіанства, съ его заповѣдью о любви, съ его ученіемъ объ искупленіи всего челоуѣчества безгрѣшною кровью Иисуса Христа, направляется къ водворенію этого именно единства, скрѣпляемаго идеей совершеннѣйшаго единства между Богомъ-Отцомъ и Богомъ-Сыномъ, какъ о томъ бож. Испуитель молился въ тягчайшій часъ своей душевной муки, восклицая: «Отче, прошу, да будутъ всѣ едино, какъ Мы

¹⁾ Мнѣнія отцовъ и учителей церкви, въ этомъ отношеніи смотри въ слѣдующихъ твореніяхъ: *св. Кипріана*, De oper. et elemos. *св. Василія Великаго* въ бесѣдѣ о богатствѣ, а также въ бесѣдѣ объ алчности (Париж. изданіе 1638, т. I, р. 337, 328); *бл. Августина* in Ps. 147, п. 12; *св. Григорія Богослова*, Orat. XIV; *св. Астерія*, бес. о Лазарѣ; *бл. Иеронима*, Ерр. 49 и 54; *св. Григорія Нискаго*, О бѣдн. и благотвор. Orat. I.

едино». Единство не только по происхожденію, но единство по духу и сердцу, единство по человѣколюбію, единство въ Іисусѣ Христѣ, который и есть воплощеніе любви, -- вотъ цѣль христіанства, -- а средствомъ къ его достиженію въ предѣлахъ человѣческой возможности, служить стремленіе всѣхъ членовъ христіанской церкви къ благу каждаго нуждающагося посредствомъ милостыни, которая есть важное проявленіе братской любви. Человѣколюбіе, общеніе душъ -- это есть также общеніе социальное; всѣ складываютъ въ эту великую сокровищницу и всѣ черпаютъ изъ нея -- какъ бѣдный, такъ и богатый; всѣ живутъ ею, и тотъ, кто по своему эгоизму уклоняется отъ этого великаго общенія, тотъ одинаково есть врагъ Бога, общества и самого себя.

Но человѣколюбіе, возлагая обязанности на всѣхъ, не создаетъ никому какихъ-либо личныхъ правъ. Спасеніе богача обусловливается добрымъ употребленіемъ богатства, а спасеніе бѣдняка добрымъ употребленіемъ его бѣдности, и какъ одинъ долженъ освящать свое богатство милостыней, такъ другой долженъ освящать свою бѣдность упованіемъ на милость Божию. Пріучать бѣдняковъ, лишенныхъ земныхъ благъ, любить свою наготу для св. І. Златоуста казалось дѣломъ столь же важнымъ, какъ и научать богатыхъ не привязываться къ земнымъ благамъ и служить человѣколюбію. Но предъ лицомъ вопіющихъ ненормальностей въ социальномъ строѣ своего полухристіанскаго времени, предъ лицомъ страшной бѣдственности современнаго ему пролетаріата, онъ перѣдко возвышалъ свой голосъ до суровыхъ тоновъ негодованія и обличенія этой неправды. Чего нельзя достигнуть простымъ чувствомъ жалости, онъ старается достигнуть силой логическаго убѣжденія, и то и дѣло напоминалъ своимъ слушателямъ, что богатство въ рукахъ богатаго есть лишь залогъ, порученный ему для храненія подъ условіемъ спроса отчета въ его истинно-христіанскомъ употребленіи ¹⁾. Это не значитъ конечно, что собственность, по его воззрѣнію, не была опредѣленнымъ, неотъемлемымъ правомъ, или что онъ возставалъ противъ коренной основы социальнаго строя, покоющагося на правѣ собственности. Онъ не разъ дѣломъ показывалъ, какъ священно было въ его глазахъ это коренное право общежитія, когда

¹⁾ См. 1 и 2 бесѣды о Лазарѣ въ I томѣ „Полнаго собранія твореній св. І. Златоуста“.

онъ напр. въ защиту собственности бѣдной вдовы не остановился предъ строгимъ укоромъ самой царицѣ Евдоксіи. Онъ хотѣлъ только внушить богачу то убѣжденіе, что его богатство, какъ бы оно ни всецѣло принадлежало ему по праву собственности, не исполняетъ своего глубочайшаго назначенія, когда оно перестаетъ быть источникомъ пособія нуждающимся, — того назначенія, которымъ безмолвно обусловлено божеств. Промысломъ самое право собственности при его первоначальномъ установленіи, такъ что пренебреженіе этимъ условіемъ означаетъ противленіе высшему закону Божію, неисполненіе принятаго на себя обязательства и въ извѣстномъ смыслѣ — воровство. Это глубочайшее назначеніе собственности и находитъ себѣ выраженіе въ милостынѣ. Но если она составляетъ долгъ богача, то это еще не значитъ, что она даетъ извѣстное право бѣдняку, и высочайшій собственникъ, Владыка неба и земли, оставилъ за Собою право устанавливать условія истиннаго употребленія богатствъ. Переводя языкъ св. І. Златоуста на обыденные термины, можно бы сказать, что собственность по нему есть своего рода наслѣдственная и неотъемлемая аренда, обезпеченная за родомъ того, кто ее законно приобрѣлъ, но подъ извѣстными условіями — оказанія помощи страждущимъ членамъ общества, такъ что милостыня есть какъ бы та арендная плата, которую владѣтель обязанъ уплачивать за свое пользованіе достояніемъ божественнаго Владѣльца, и уклоненіе отъ исполненія этого обязательства не только есть жестокосердіе къ бѣдствующимъ братьямъ, но и преступленіе предъ Богомъ, посягательство на самую сущность собственности, нравственный смыслъ которой подрывается нашимъ нарушеніемъ обязательства, хотя такое посягательство, за которое никто на землѣ — ни отдѣльные люди, ни общество не могутъ преслѣдовать, потому что единственный полноправный судья въ этомъ дѣлѣ есть самъ Богъ, какъ высочайшій Владѣлецъ этого достоянія ¹⁾. §

¹⁾ Мысль эта неоднократно развивалась и новѣйшими христіанскими проповѣдниками, и напр. Бурдалу прямо говорилъ: „Богатства, которыми вы владѣете, не ваши въ собственномъ смыслѣ; вы по отношенію къ Богу суть только хранители и распорядители ихъ; вы должны будете отдать въ нихъ отчетъ въ день оный; въ силу необходимаго обязательства милостыни, вы состоите въ обязательныхъ отношеніяхъ къ бѣднымъ“. И въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ: „Богъ есть верховный владѣлецъ вашихъ имѣній, Онъ есть господинъ, даже безусловно истинный Собственникъ, и по сравненію съ Нимъ вы въ лучшемъ смыслѣ только экононы и приставники: объ этомъ свидѣлствуютъ и разумъ и

«Не удѣлять изъ своего имущества, говорить св. Іоаннъ Златоустъ, есть похищеніе—воровство. Можетъ быть слова мои кажутся вамъ удивительными; но не удивляйтесь. Я представлю вамъ изъ божественныхъ Писаній свидѣтельство о томъ, что не только похищать чужое, но и не удѣлять изъ своего другимъ означаетъ хищеніе, и любостыжаніе, и отнятіе. Какое же это свидѣтельство? Укоряя іудеевъ, Богъ чрезъ пророка говоритъ: земля принесла плоды свои, и вы не внесли десятинь; похищенное у бѣднаго — въ домахъ вашихъ (Малах. III, 10). Такъ какъ вы, говоритъ, не дали обычныхъ приношеній, то похитили собственность бѣднаго. Этими словами онъ внушаетъ богатымъ, что они владѣютъ собственностью бѣдныхъ, хотя бы получили отцовское наследство, хотя бы собрали богатство какимъ-нибудь другимъ способомъ. И еще въ другомъ мѣстѣ говоритъ: «живота нища не лиши» (Сир. IV, 1), а лишающій—отнимаетъ чужое, потому что отнятіемъ называется то, когда мы беремъ и удерживаемъ у себя чужое. Итакъ изъ этого мы научаемся, что, когда мы не подаемъ милостыни, то будемъ наказаны наравнѣ съ похитителями. Это имущества Господни, откуда бы мы ихъ ни собрали; и если мы удѣлимъ изъ нихъ бѣднымъ, то приобрѣтемъ великое богатство. Богъ попустилъ тебѣ имѣть больше другихъ не для того, чтобы ты тратилъ на блудодѣяніе, и пьянство, и пресыщеніе, и дорогія одежды, и на другіе предметы роскоши, но для того, чтобы ты удѣлялъ нуждающимся. Какъ казнохранитель, получившій царскія деньги, если не раздастъ ихъ, кому приказано, а истратитъ на собственную прихоть, подвергается наказанію и гибели; такъ и богачъ есть какъ бы пріемщикъ денегъ, слѣдующихъ къ раздачѣ бѣднымъ, получившій повелѣніе раздѣлить ихъ нуждающимся изъ его сослужителей; посему, если онъ истра-

въра. А если ваши имѣнія принадлежатъ Богу по праву господства, то вы обязаны платить Ему дань, отдавать отчетъ, и такъ какъ Ему принадлежитъ эта собственность, то Ему надлежитъ пользоваться ея плодами. Что же дѣлаетъ Богъ? Онъ назначаетъ эту дань и эти плоды на поддержаніе бѣдныхъ, т. е. вмѣсто того, чтобы требовать эту дань для самого Себя, что не соответствовало бы Его величію, Онъ требуетъ ея чрезъ посредство бѣдныхъ. Подобно тому, какъ милостыня по отношенію къ бѣдному есть долгъ челоѣколюбія и милосердія, она по отношенію къ Богу есть долгъ зависимости и подчиненія. Богачъ, отказывающій бѣдному въ милостынѣ, есть мятежный рабъ, отказывающій въ даннѣ своему господину, надменный вассалъ, который въ духѣ непокорности не хочетъ признавать своего господина“. См. *Bourdalone*, Sermons гдѣ четвергъ 2-й недѣли поста, часть 2-я; на 1-ю пятницу вел. поста, часть 1-я.

титъ на себя сколько-нибудь сверхъ необходимой нужды, то подвергнется тамъ жесточайшей отвѣтственности; потому что имущество его принадлежитъ не ему собственно, но его сослужителямъ. Будемъ же беречь имущество какъ чужое, чтобы оно стало нашимъ. Какъ же такъ беречь его, какъ чужое? Если будемъ тратить его не на излишнія надобности, и не свои только, но и удѣлять въ руки бѣдныхъ; если ты богатъ, но тратишь сверхъ нужды, то ты дашь отчетъ во вѣренныхъ тебѣ деньгахъ. Это бываетъ и въ домахъ вельможъ; многіе вѣряютъ свои сокровища слугамъ своимъ; а получившіе берегутъ вѣренное имъ и не злоупотребляютъ сокровищами, но раздають ихъ, кому и когда прикажетъ господинъ. Такъ поступиай и ты, ибо не для того ты получилъ и принялъ больше другихъ, чтобы истрачивать одному, но чтобы и для другихъ ты былъ хорошимъ домоправителемъ»¹⁾.

Истина этихъ положеній во всей силѣ сказывается, когда богачъ и бѣднякъ отходятъ въ ту страну, гдѣ всѣмъ уготовано справедливое возмездіе—по дѣламъ каждаго. Это съ поразительною ясностью изображено въ заgrabной судьбѣ евангельскихъ богача и Лазаря. «Бысть же умрети имъ. Умеръ богачъ, и былъ похороненъ; отошелъ и Лазарь; не скажу: умеръ; потому что смерть богача была дѣйствительно смертію и погребеніемъ, а смерть бѣднаго—отпествіемъ и преставленіемъ къ лучшему, переходомъ съ поприща борьбы къ наградамъ, изъ моря въ пристань, отъ сраженія къ торжеству, отъ подвиговъ къ вѣнцу. Отошли оба туда, гдѣ предметы имѣютъ истинный видъ; театръ закрылся и маски сняты. На здѣшнемъ театрѣ въ самый полдень употребляются завѣсы, и многіе являются на сценѣ въ чужомъ видѣ и съ масками на лицѣ, пересказываютъ старую басню и повѣствуютъ о какихъ-нибудь дѣлахъ; иной представляется философомъ, не будучи философомъ; иной царемъ, не будучи царемъ, но только имѣя видъ царя—по содержанію басни; иной—врачемъ, не умѣя управиться и съ деревомъ, но только надѣвши платье врача; иной—рабомъ, будучи свободнымъ; иной учителемъ, не зная и грамоты; представляются не тѣмъ, что они суть на самомъ дѣлѣ, а что они дѣйствительно. тѣмъ не показываются; показывается

¹⁾ См. II-е слово о Лазарѣ (4 и 5) въ I томѣ „Полнаго Собранія“, стр. 796 и 797.

врачемъ тотъ, кто вовсе не врачъ; показывается философомъ тотъ, кто только на маскѣ имѣеть такую прическу; показывается воиномъ тотъ, у кого только платье воина; но какъ ни обманчивъ видъ маски, онъ не измѣняетъ природы, дѣйствительность которой извращаетъ; маски держатся, пока увеселяющіеся сидятъ (въ театрѣ); но когда наступитъ вечеръ, театръ закроется, и всѣ разойдутся, тогда маски сбрасываются, и кто въ театрѣ представлялся царемъ, внѣ его оказывается мѣдникомъ; маски сброшены, обманъ прошелъ, открылась истина; и оказывается внѣ театра рабомъ, кто внутри его представлялся свободнымъ; внутри (театра), какъ я сказалъ, обманъ, а внѣ—истина; насталь вечеръ, кончилось зрѣлище—и открылась истина. Такъ и въ жизни и при кончинѣ. Настоящее — театръ; здѣшніе предметы—обманчивая внѣшность, и богатство и бѣдность, и власть и подвластность, и тому подобное; а когда кончится тотъ день, наступаетъ ночь для грѣшниковъ, а день для праведниковъ; когда закроется театръ, когда обманчивые виды будутъ отброшены; когда будетъ судимъ каждый своими дѣлами,—не съ богатствомъ своимъ, не съ властію своею, не съ почестями и могуществомъ своими, но каждый съ дѣлами своими—и начальникъ и царь, и женщина и мужчина; когда (Судія) спроситъ насъ о жизни и добрыхъ дѣлахъ, а не о важности званій, не о низкомъ состояніи бѣдности, не о высокомъ состояніи надменности (и скажетъ): подай Млѣ дѣла, хотя ты и былъ рабъ, лучшія, чѣмъ у свободнаго; хотя ты была женщиною, болѣе мужественная, чѣмъ у мужчины; когда отброшены будутъ обманчивыя внѣшности; тогда обнаружится и богатый и бѣдный. И какъ здѣсь, по окончаніи театра, иной изъ сидѣвшихъ вверху, увидѣвъ въ театральномъ философѣ мѣдника, говоритъ: о! не былъ ли этотъ въ театрѣ философомъ? а теперь вижу его мѣдникомъ. Этотъ не былъ ли тамъ царемъ? а здѣсь вижу въ немъ какого-то низкаго человѣка. Этотъ не былъ ли тамъ богачемъ? а здѣсь вижу его бѣднымъ; такъ будетъ и тамъ... Итакъ этотъ богачъ сталъ бѣднымъ, или лучше—былъ бѣденъ и тогда, когда былъ богатъ. Ибо что пользы человѣку, если онъ имѣеть чужое, а своего не имѣеть? Что пользы человѣку пріобрѣтать деньги, и не пріобрѣтать добродѣтели? Я имѣю, скажешь ты, землю плодоносную. Что же такое? Но не имѣешь души плодоносной. Имѣешь рабовъ? Но не имѣешь добродѣтели! Имѣешь одежды? Но не пріобрѣлъ

благочестія! Чужое имѣешь, а своего не имѣешь. Если бы кто ввѣрилъ тебѣ залогъ, развѣ я могъ бы назвать тебя богатымъ? Никакъ. Почему? Потому, что ты владѣешь чужимъ; потому, что это—залогъ; и о, если бы это было только залогомъ, а не прибавленіемъ къ твоему наказанію!»¹⁾

При всемъ изумительномъ разнообразіи проповѣдническихъ разъясненій и разсужденій, въ основѣ ихъ лежитъ все одна и та же мысль. Земля принадлежит Богу, Онъ есть ея верховный собственникъ. Если Онъ и соизволилъ, чтобы люди подѣлили ее между собою и съ высоты Синая призналъ право собственности, постановивъ заповѣдь: *не укради*, однако остается непреложной та истина, что предъ Его очами законный владѣлецъ какой-либо части земли есть только приставникъ, арендаторъ. Условіемъ этого права приставничества является требованіе помощи бѣднымъ. Верховный Владѣтель всего и всѣхъ предназначаетъ часть изъ имѣнія богача въ помощь бѣднымъ, и не создавая отсюда права послѣднихъ, Онъ ставитъ это въ обязанность первому. Подавать милостыню значитъ исполнять эту обязанность, или уплачивать долгъ верховному Владыкѣ; уклоняться отъ этой обязанности, значить не погашать своего долга, быть невѣрнымъ приставникомъ, не потому, чтобы бѣднякъ можегъ бы требовать хотя оволь изъ имѣній богача, или что милостыня есть что-нибудь другое кромѣ именно милостыни въ собственномъ смыслѣ этого слова, какъ добровольнаго подаянія, но потому, что богачъ долженъ Богу то, что онъ даетъ бѣдному; не отдавая этого долга этимъ самымъ онъ нарушаетъ права Бога. Подъ различными формами выраженія Златоустый святитель постоянно высказываетъ эту мысль, напоминая богачу, что онъ получилъ свыше почетное порученіе быть благотворителемъ своихъ братьевъ, быть приставникомъ самого Промыслителя на землѣ. И развѣ обидно для богача если называть его экономомъ Божиимъ, распорядителемъ Его благъ? И такъ какъ мы быстро проходимъ по этой землѣ и ничего не можемъ взять съ собою изъ міра сего, при его оставленіи, кромѣ своей наготы, то поистинѣ какая собственность можетъ быть наиболее надежной, какъ не временное приставничество? Богъ, давая намъ свои блага какъ средство для дѣлъ челоувколюбія, накажетъ за себялю-

¹⁾ См. VI бес. о Лазарѣ, 5 и 8, „Полное Собрание“ I т. стр. 847 851 и 852.

бивое пользованіе этими благами какъ за противленіе Бго выспимъ намѣреніемъ и какъ за преступное уклоненіе отъ истиннаго долга.

Понятно, что такія, постоянно и настойчиво развиваемыя мысли объ обязательныхъ отношеніяхъ богатыхъ людей къ бѣднякамъ не могли не возбуждать недовольства и даже протестовъ со стороны жестокосердыхъ богачей, которые невольно чувствовали невѣрность своему долгу. Поэтому они старались оправдываться и даже возражали проповѣднику, что сами бѣдные не всегда настолько заслуживаютъ сочувствія, насколько требуетъ его къ нимъ Златоустый учитель. Такъ, въ оправданіе себя жестокосердые богачи говорили, что бѣдняки не заслуживаютъ сочувствія вслѣдствіе своего недостойнаго поведенія, что ихъ нравственныя язвы даже еще хуже физическихъ. Свою бѣдность, освященную самимъ Господомъ Иисусомъ Христомъ, они позорятъ лѣнностью, буйствомъ, чревоугодіемъ, бродяжничествомъ, презрѣніемъ къ законамъ Божиимъ и самыми гнусными пороками. Можно было видѣть, какъ они, лежа у дверей церковныхъ, на площадяхъ, на общественныхъ галлереяхъ, притворялись, что ужасно страдаютъ отъ болѣзней, которыхъ въ дѣйствительности не было, выставляли на ногахъ раны, надѣланныя намѣренно самими же, предавались самымъ гнуснымъ плутовствамъ и уловкамъ и даже производили искусственныя уродства, ослѣпляли собственныхъ дѣтей, чтобы посредствомъ ихъ возбуждать жалость въ людяхъ и склонять къ подаянію. Въ этихъ обвиненіяхъ, конечно, было много горькой правды, потому что дѣйствительно нищенство какъ теперь, такъ и особенно въ древности производило свои горькіе плоды въ пониженіи нравственности народа. Не отрицалъ этого и великій защитникъ бѣдныхъ св. Юаннъ Златоустъ, и самъ неоднократно обличалъ эту порочность бѣдняковъ. Но онъ смотрѣлъ глубже на дѣло, и ясно видѣлъ, что самая порочность бѣдняковъ есть только отраженіе порочности богатыхъ, есть плодъ ихъ эгоизма и жестокосердія.

Прежде всего самое желаніе скорѣе рыться въ совѣсти бѣдняка съ цѣлію отыскать въ его жизни какіе-нибудь пороки и недостатки, чѣмъ помогать ему, свидѣтельствуетъ о неискренности расположенія къ милостынѣ. Между тѣмъ, говорить святитель, истинный благодотворитель «долженъ не жизнь бѣднаго изслѣдовать, но помочь бѣдности и удовлетво-

рять нуждѣ. Одно оправданіе у бѣднаго — недостатокъ и нужда; ничего больше не спрашивай у него; но если онъ, хотя бы былъ порочнѣ всѣхъ, нуждается въ необходимой пищѣ, утолимъ голодъ его. Такъ поступать повелѣлъ и Христосъ: *будите, говорилъ Онъ, подобни Отцу вашему, иже есть на небесахъ, яко солнце свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя* (Матѣ. V, 45). Милосердіе есть пристань для нуждающихся, а пристань принимаетъ всѣхъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, и спасаетъ отъ опасностей; злые ли, или добрые, или кто бы ни были тѣ, которые находятся въ опасности, она принимаетъ ихъ въ свои объятія. Такъ и ты, видя человѣка подвергшагося на землѣ кораблекрушенію бѣдности, не осуждай и не требуй отчета, но избавь отъ неесчастія. Для чего ты берешь на себя лишніе труды? Богъ освободилъ тебя отъ всякой заботы и безпокойства. Сколько стали бы многіе говорить и поговать, если бы Богъ повелѣлъ—сперва съ точностію развѣдывать жизнь, разузнавать поведеніе и поступки каждаго, и потомъ уже подавать милостыню? А теперь мы освобождены отъ всякаго такого затрудненія. Для чего же мы сами навлекаемъ на себя излишнія заботы? Иное—судія, иное—податель милостыни. Милостыня потому и называется такъ, что мы подаемъ ее и недостойнымъ. Такъ поступать увѣщеваетъ и Павелъ: *доброе же творяще, говоритъ онъ, да не стужаемъ⁹ си, ко всемъ, паче же къ приснымъ въ вѣрѣ* (Гал. VI, 9. 10). Если мы станемъ спрашивать и развѣдывать о недостойныхъ, то и достойные не скоро попадутся намъ; а если будемъ подавать и недостойнымъ, то и достойные и подобные всемъ имъ попадутъ въ наши руки, какъ и случилось съ блаженнымъ Авраамомъ, который, не спрашивая и не развѣдывая о проходящихъ, сподобился принять нѣкогда и ангеловъ. Будемъ же и мы подражать ему, а съ нимъ и потомуку его Іову; ибо и этотъ со всею точностію подражалъ великодушію предка, и потому говорилъ: *дверь моя всякому входящему отверста бѣ* (Іов. XXXI, 32); не для такого-то открыта, а для другого затворена, но для всѣхъ вообще была открыта. Такъ, увѣщевая, будемъ дѣлать и мы, ничего не развѣдывая сверхъ надлежащаго. Достоинство бѣднаго составляетъ одна нужда; кто бы когда ни пришелъ къ намъ съ нею, не станемъ ничего изслѣдовать болѣе; потому что мы подаемъ не праву, а человѣку, и жалѣемъ его не за добро-

дѣтель, а за несчастіе, чтобы и самимъ намъ привлечь на себя великую милость отъ Господа, чтобы и самимъ намъ, недостойнымъ, сподобиться Его человѣколюбія. Если же мы станемъ въ сослужителяхъ нашихъ отыскивать и изслѣдовать достоинства, то и съ нами Богъ сдѣлаетъ тоже; и стараюсь истребовать отчетъ отъ равныхъ намъ рабовъ, сами лишимся вышняго человѣколюбія. *Имже бо, говоритъ Господь, судомъ судите, судятъ вамъ*» (Матѳ. VII, 2) ¹⁾.

Такъ какъ богачи съ особенною настойчивостью приводили въ оправданіе себя возмутительную лѣпость и притворство бѣдныхъ, то и Златоустъ въ свою очередь особенно останавливался на этомъ предметѣ. Онъ конечно не одобрялъ бѣдняковъ въ этомъ отношеніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ краснорѣчиво показывалъ, что такое возраженіе отнюдь не подрываетъ самой обязанности милостыни. «Этотъ несчастный, говоришь ты, притворяется, что онъ холоденъ и боленъ. — И ты не боишься, что громъ поразитъ тебя въ тотъ самый моментъ, какъ ты произносишь это слово? Я пылаю негодованіемъ. Извини меня. Ты, дающій своему чреву все, что ему угодно, ты отолстѣвшій и ожирѣвшій, до самой ночи продолжающій свои оргіи, растягивающійся на мягкихъ коврахъ, — неужели ты думаешь, что Богъ оставитъ безнаказаннымъ такое злоупотребленіе его дарами? Вино дано намъ не для того, чтобы опьяняться имъ, или пищевые продукты, чтобы усладить наше чревоугодіе. У этого бѣдняка, этого несчастнаго, состояніе котораго не лучше мертвеца, ты требуешь строгаго отчета въ его поведеніи и самъ не боишься страшнаго судилища Іисуса Христа. Вѣдь если бѣднякъ и притворяется, то онъ побуждается къ этому своимъ ужаснымъ положеніемъ, твоимъ жестокосердіемъ, которое дѣлаетъ это притворство необходимымъ, твоею грубостью, которой нельзя пронять. Въ самомъ дѣлѣ, какой человѣкъ, не побуждаемый нуждой, сталъ бы унижаться такъ изъ-за куска хлѣба? Его притворство изобличаетъ твою безчеловѣчность. Быть можетъ потому именно, что ты уже видѣлъ его молитвы, его воздыханія, его слезы, его вопли, и онъ, проведя цѣлый день отъ дверей къ дверямъ, не получилъ необходимой для него пищи, чтобы не умереть, — быть можетъ поэтому именно онъ и прибѣгъ къ этимъ уловкамъ, которая составляетъ униженіе скорѣе для тебѣ, чѣмъ

¹⁾ См. II бес. о Лазарѣ, въ „Полн. Собраніи“ т. I, стр. 797 и сл.

для него. Онъ дѣйствительно жалокъ, что дошелъ до такой необходимости; но вѣдь мы же сами довели его до этого положенія, мы сами заслуживаемъ безчисленныхъ наказаній. Если бы мы были болѣе доступны жалости, развѣ онъ дошелъ бы до такихъ низостей? Что я говорю о наготѣ и дрожаніи отъ холода? Бываютъ еще вещи во сто разъ болѣе ужасныя! Нѣкоторые отцы вынуждены были ослѣплять своихъ дѣтей въ полномъ возрастѣ, чтобы тронуть насъ хотя бы видомъ столь глубокой бѣдственности. Ко всѣмъ другимъ бѣдствіямъ они присоединяли и это, самое плачевное изъ всѣхъ, чтобы добыть отъ васъ кусокъ хлѣба, считая меньшимъ зломъ лишеніе свѣта, этого небеснаго луча, которымъ наслаждаются всѣ люди, чѣмъ постоянно бороться съ голодомъ, съ ужаснѣйшей изъ смертей. Такъ какъ вы не имѣете жалости къ бѣдности, и даже услаждаетесь несчастіями, то они удовлетворяютъ ваше ненасытное желаніе, и какъ для себя, такъ и для васъ возжигаютъ тѣмъ сильнѣйшій огонь въ гееннѣ.—Что все это происходитъ по вашей винѣ, вотъ неопровержимое доказательство. Иные бѣдники, болѣе тщеславные, болѣе гордые, предпочитаютъ скорѣе выносить все, чѣмъ голодъ, и убѣдившись изъ опыта, что всѣ просьбы бесполезны, предаются худшему роду шарлатанства: можно видѣть, какъ они гложутъ кожу старой обуви, вбиваютъ себѣ гвозди въ голову, нагими погружаются въ ледяную воду и вообще предаются тысячѣ другихъ еще болѣе нелѣпыхъ и дикихъ выходокъ, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе. И ты смѣешься, ты рукоплещешь такимъ низкимъ выходкамъ, и униженіе человѣческаго естества есть зрѣлище, есть развлеченіе для тебя! Больше ли этого сдѣлалъ бы даже жестокій демонъ? Въ поощреніе этимъ низостямъ ты охотно даешь деньги. Бѣдному же, который просить у тебя со смиреніемъ, умоляетъ тебя Богомъ, ты не соизволяешь даже отвѣтить, не смотришь на него, отталкиваешь его съ обидными словами. Такому человѣку говоришь ты, не слѣдуетъ жить; позволительно ли такимъ твореніямъ дышать воздухомъ, видѣть солнце? — И вотъ твоя рука закрытая къ жалости, открывается для вознагражденія низости, такъ что ты можешь бы назваться агнооетомъ¹⁾, вознаграждающимъ за тѣ сатанинскія игры, на которыхъ

¹⁾ *Агнооетъ* — ἀγνοητής — распорядитель общественныхъ игръ, судья и раздаватель призовъ на играхъ у грековъ. По преимуществу наби-

смѣшное соперничаетъ съ постыднымъ. Поистинѣ о тебѣ и о всѣхъ тѣхъ, которые поощряютъ подобныя гнусности, которые не даютъ ничего иначе, какъ на худое, слѣдуетъ сказать: заслуживаютъ ли они того, чтобы жить, наслаждаться свѣтомъ небеснымъ,—люди, которые оскорбляютъ одинаково и природу и Творца? Когда Богъ говоритъ: твори милостыню, и Я дамъ тебѣ Мое царство, ты остаешься глухъ; когда же дѣволъ подставляетъ тебѣ голову, пронзенную гвоздями, ты немедленно становишься щедрымъ. И послѣ этого еще спрашиваешь меня: зачѣмъ существуетъ геенна? Спроси лучше, почему существуетъ одна только геенна» ¹⁾).

Трудно бы еще подыскать болѣе доводовъ въ пользу подавнїя милостыни бѣднымъ. Но Златоустъ неистощимъ въ этомъ отношенїи. Слово поистинѣ золотымъ потокомъ льется изъ его усть, лишь только мысль его коснется вопроса о положенїи бѣдняковъ и той несправедливости, съ которою относятся къ нимъ безсердечные богачи. Нужно цомогать бѣдному, говоритъ онъ, хотя бы даже потому, что вѣдь «бѣднякъ такой же человѣкъ, какъ и ты», у него такая же душа и тотъ же Господь, вы причащаетесь однихъ и тѣхъ же таинъ, призваны къ одному и тому же небу, а онъ имѣетъ кромѣ того великое достоинство—бѣдность, нужду въ необходимой пищѣ. Вотъ ты не жалѣешь своихъ денегъ для тѣхъ, которые свирѣлями и цитрами услаждаютъ тебя въ зимнее время и пустословіемъ причиняютъ тебѣ вредъ; а когда бѣднякъ попроситъ у тебя хлѣба, въ которомъ онъ нуждается, то подвергаешь его обидамъ, упрекаешь его въ лѣности, не помышляя о томъ, что вѣдь и ты самъ лѣнивъ, а между тѣмъ Богъ не отказываетъ тебѣ въ своихъ благахъ. Не говори мнѣ, что ты занимаешься дѣлами; покажи мнѣ, что ты занимаешься чѣмъ-нибудь полезнымъ. Заботиться о своемъ благополучїи, умножать свои деньги, вести свои дѣла,—это не то, чего требуетъ отъ тебя Богъ. Онъ хочетъ милостыни, молитвы, защиты угнетенныхъ, много такого, въ забвенїи чего мы проводимъ всю свою жизнь. Между тѣмъ Онъ не говоритъ: поелику ты живешь въ праздности, Я не буду свѣтить тебѣ солнцемъ; поелику ты не дѣлаешь ничего такого, что необходимо, Я погану

рались для этой должности люди богатые, щедрые на поощренїе подобныхъ игръ.

1) На 1 посл. къ Кор. бес. XXI, 3, 5, 6. (въ изд. Мѣня IX т. ст. 175--176).

луну, сдѣлаю землю неплодною, изсушу источники, задержу дождь. Нѣтъ, Онъ расточаетъ свои сокровища даже лѣнивымъ, даже злымъ. Часто видя бѣднаго, ты говоришь мнѣ: я задыхаюсь отъ досады при видѣ этого молодого здороваго человѣка, который ничего не имѣя, хочетъ кормиться не работая—это навѣрно бѣглый рабъ и преступникъ. Такіе укору должно сдѣлать и тебѣ самому. Что я говорю? Позволь осуждаемому тобой свободно говорить о тебѣ, и онъ тебѣ еще съ большимъ правомъ скажетъ: я задыхаюсь отъ досады при видѣ того, какъ ты при полномъ здоровьи проводишь свою жизнь въ лѣности, въ отступленіи отъ заповѣдей Божіихъ и, убѣжавъ отъ своего Господа, и удалившись въ иную страну, блуждаешь въ корчмѣ, пьянствуешь, воруешь, разрушаешь счастье другихъ. Ты обвиняешь меня въ бездѣльи; а я обвиняю тебя въ твоёмъ нечестіи, въ твоей лжи и клятвенно-преступничествѣ, въ коварствѣ и хищничествѣ.—Но говоря такъ, продолжалъ Златоустый проповѣдникъ, я не думаю поощрять лѣность, ибо она есть учительница всякаго зла. Я хочу, чтобы всѣ трудились, но я хочу также чтобы вы не были ни жестокими ни безчеловѣчными. Обсудивъ все это, будемъ обуздывать свой языкъ и отложивъ безчеловѣчіе, будемъ протягивать руку для подаенія милостыни, и не деньгами только, но и словами будемъ помогать нуждающимся, дабы намъ избѣгнуть наказанія за злословіе и наследовать царство за благословеніе и милостыню»¹⁾.

Итакъ, значеніе милостыни, какъ царицы добродѣтелей, выяснено Златоустомъ съ неподражаемой полнотою и силой. Теперь возникаетъ вопросъ: какъ осуществлять эту добродѣтель? Неужели она только и состоитъ въ примитивномъ подаеніи всякому нуждающемуся, — въ той формѣ, которая въ новѣйшее время подвергается порицаніямъ, такъ какъ-де не достигаетъ своей цѣли и даже увеличиваетъ самое то нищенство, противъ котораго направляется, или же у великаго проповѣдника милостыни предносились и другія формы служенія «царицѣ добродѣтелей»? Разъясненіе этого интереснаго вопроса отлагаемъ до слѣдующей книги.

А. Лопухинъ.

¹⁾ На ев. *Маттея*, бес. XXXV, 3-5 (у *Миня* т. VII, ст. 409-12)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки